

На правах рукописи

Жигалова Наталья Эдуардовна

**Турки и турецкая угроза в византийской исторической
литературе XV в.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир и Средние века)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2019

Работа выполнена на кафедре истории Древнего мира и Средних веков ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель

доктор исторических наук, доцент
Куш Татьяна Викторовна

Официальные оппоненты:

Бибиков Михаил Вадимович,
доктор исторических наук, профессор
ФГБУН Институт всеобщей истории
Российской академии наук (г. Москва),
главный научный сотрудник отдела
истории Византии и Восточной Европы

Шукуров Рустам Мухамедович,
доктор исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени
М. В. Ломоносова», доцент кафедры
истории Средних веков

Ведущая организация

ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»

Защита состоится 12 марта 2019 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»: <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=285606>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

А. В. Шаманаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования определяется тем, что в современном мире проблема межэтнического и межконфессионального взаимодействия, столь явно обострившаяся в последние десятилетия, вызывает широкий политический и общественный резонанс. Зачастую это взаимодействие выражается в форме межэтнических конфликтов, разжигании межнациональной розни и усилении ксенофобских настроений в отношении представителей иной культуры, языка и вероисповедания. С этой проблемой в настоящее время сталкивается европейская цивилизация, вынужденная принимать в свое культурное пространство беженцев с Востока, не всегда стремящихся интегрироваться в существующие социальные и экономические структуры.

Византийская империя, встретившись в VII в. с молодой и набирающей силу исламской цивилизацией в период арабских завоеваний, с самого начала этих контактов была вынуждена сдерживать натиск враждебных иноверцев, что определило основные черты в формировании образа мусульманина в византийской литературной традиции.

С XI в. «мусульманская проблема» вновь актуализировалась с началом завоеваний турок-сельджуков. Почти четыре века непрерывной турецкой военной агрессии в отношении малоазийских территорий Византийской империи наделили морально-этический облик мусульманина-завоевателя новыми негативными характеристиками. Этот опыт противостояния исламской опасности сформировал в византийской литературной традиции определенные черты в изображении восточного соседа. Религиозный аспект восприятия турок, как правило, был доминирующим: носители мусульманской веры считались еретиками или даже язычниками, ислам – религией, враждебной христианству¹. Восприятие турецкой угрозы

¹ См.: Beihammer A. Orthodoxy and Religious Antagonism in Byzantine Perceptions of the Seljuk Turks (Eleventh and Twelfth Centuries) // *Al-Masāq*. 2011. Vol. 23 (1). P. 15–36; Khoury A.-T. *Polémique Byzantine contre L'Islam (VIIIe–XIIIe s.)*. Leiden, 1972. 377 s.; Meserve M.

византийскими писателями было неоднозначным и изменялось в зависимости от идеологических установок авторов и жанра их произведений. Помимо этого, турки, как и прочие Чужие, были для византийцев «варварами» – людьми более низкого культурного и исторического развития.

Под влиянием контактов с мусульманским миром (впрочем, как и с латинским Западом) сама Византия претерпевала изменения в своей политической, социальной и культурной жизни. В этой связи проблема межэтнического, культурного и религиозного диалога между византийцами и турками, складывающегося в условиях постоянного политического и военного противостояния, приобретает особое значение в контексте изучения последнего столетия византийской истории.

Компаративный анализ византийских исторических сочинений XV в. позволит выявить отношение авторов к турецкой угрозе, их восприятие турок как носителей другой, «чужой» религии и культуры, определить, каким образом усиление натиска исламского мира на угасающую Византию повлияли на их представления об иноверцах. Полученные сведения позволят осветить такие аспекты христиано-мусульманского противостояния, как проблема религиозных и межэтнических противоречий, культурного диалога, проблема дихотомии «свой – чужой».

Объект исследования – турки и угроза, которую они представляли для Византии в XV в.

Предмет исследования – восприятие турок и турецкой угрозы авторами византийских исторических сочинений XV в., их оценка основных военных и политических конфликтов с османами в XV в.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1402 г. (поражение турок при Анкаре и начало внутридинастической смуты в Османском государстве) до падения Византии в 1453 г.

Цель диссертационного исследования – исследование восприятия турок и турецкой экспансии византийскими писателями XV в.

Задачи:

– Дать характеристику византийских исторических произведений XV в., в которых нашла отражение турецкая тема;

– Определить отношение авторов к ключевым событиям турецкой экспансии XV в. (конфликты и контакты византийцев с турками в начале XV в., осада Константинополя 1422 г., осада и захват Фессалоники 1422–1430 гг., битва при Варне 1444 г.);

– Реконструировать жизнь византийского населения в условиях турецкой экспансии, социальные противоречия и экономическое состояние византийских городов в период турецких осад по материалам византийских исторических сочинений XV в.;

– Рассмотреть проблему конформизма греческого населения в условиях турецких завоеваний в восприятии византийских авторов;

– Проанализировать лексику сочинений византийских историков и выявить контекст обозначений османов в них;

– Исследовать восприятие византийскими писателями этнической и религиозной принадлежности турок;

– Охарактеризовать оценки византийских писателей морального облика и обычаев османов;

– Рассмотреть сведения византийских писателей о турецкой практике девширме;

– Выявить образы османских султанов в византийских исторических сочинениях XV в.;

– Определить сущность туркофильских настроений в Византии в XV в.

Источниковую базу исследования составляют письменные нарративные источники – исторические труды, полемические и риторические трактаты, эпистолярные сочинения, гомилии.

Основными источниками для реконструкции жизни горожан Фессалоники в условиях турецкой осады с 1422 г. до окончательного подчинения в 1430 г. являются сочинения Симеона Фессалоникийского «Слово о чудесах святого мироточивого великомученика Димитрия»² и «Рассказ об окончательном завоевании Фессалоники» Иоанна Анагноста³, которые позволяют выявить основные социальные, экономические и политические противоречия внутри городского социума, роль духовных и политических лидеров в организации сопротивления османам, отношение населения к власти, а также определить причины и сущность конформистских настроений, которые царили в городе вплоть до окончательного его завоевания.

Исторические сочинения Лаоника Халкокондила⁴, Михаила Кривоула⁵, Дуки⁶ и Георгия Сфрандзи⁷ позволяют воссоздать картину турецких завоеваний в XV в. и определить оценки этих авторов турок и турецкой угрозы, реконструировать образ турок и выявить характеристики, которыми писатели наделяли захватчиков. Принципиально важно также обратиться к свидетельствам Григория Паламы⁸, Мануила II Палеолога⁹, гомилиям

² Symeon of Thessalonica. Λόγος εἰς τὸν ἐν ἁγίοις μέγιστον ἀθλητὴν καὶ μυροβλύτην Δημήτριον ἐν ἱστορίας τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγονότα διηγούμενος θαύματα / Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429). Wien, 1979. P. 39–69.

³ Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης / Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958. 104 σ.

⁴ Laonikos Chalkokondyles. The Histories / transl. by A. Kaldellis. Cambridge, London, 2014. Vol. I, II. 537 p.; 559 p.

⁵ Critobuli Imbrioteae Historiae / ed. D. R. Reinsch // CFHB. Berlin, 1983. Vol. XXII. 277 p.

⁶ Ducae Historia Turcobyzantina (1341–1462) / ex recensione B. Grecu. Bucharest, 1958. 503 s.

⁷ Georgii Sphrantzae Chronicon / a cura di R. Maisano // CFHB. Roma, 1990. Vol. XXIX. 277 p.

⁸ Gregory Palamas. Letter which He Sent to His Church from Asia while Captive / Sahas D. J. Captivity and dialogue: Gregory Palamas and the Muslims // GOTR. 1980. Vol. 25. № 25. P. 409–436; Gregory Palamas. To the Atheist Chiones. An Exchange Written by, and Taken Place in the Presence of, Taronites the Doctor, an Ear-witness / Sahas D. J. Captivity and dialogue: Gregory Palamas and the Muslims // GOTR. 1980. Vol. 25. № 25. P. 418–431.

⁹ Manuel II Palaeologus. Funeral Oration on His Brother Theodore / ed. and transl. J. Chrysostomides. Thessaloniki, 1985. 316 p.; Manuel Palaiologos. Dialogue with the Empress-

Исидора Главы¹⁰, отражающим рост турецкой агрессии во второй половине XIV в., а также сообщениям Иоанна Канана¹¹ об осаде Константинополя 1422 г. и Параспондила Зотикоса¹² о битве при Варне 1444 г.

Отдельный блок источников – это сочинения, принадлежащие перу так называемых византийских «туркофилов»: риторические сочинения Георгия Трапезундского¹³, поэтические и риторические произведения Георгия Амирутци¹⁴, письма Михаила Апостолиса¹⁵, благодаря которым можно выявить основные черты туркофильской позиции этих авторов, определить причины, толкавшие византийцев открыто симпатизировать туркам. Характеристике источников посвящена I глава.

Степень разработанности темы. В современной историографии наблюдается повышенный интерес исследователей к специфике византийско-турецких контактов. Историки уделяют внимание этно-религиозным, мировоззренческим, культурным и экономическим аспектам, что позволяет

mother on Marriage / introd., text and transl. A. Angelu. Wien, 1991. P. 59–118; The Letters of Manuel II Palaeologus / ed. by G. T. Dennis. Washington, 1977. 252 p.

¹⁰ Λαούρδας Β. Ἰσιδώρου Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ὁμιλία περὶ τῆς ἀπαγῆς τῶν παίδων καὶ περὶ τῆς μελλούσης κρίσεως // Προσφορά εἰς Στίλπωνα Π. Κυριακίδην: Ἐπὶ τῇ Εἰκοσιπενταετηρίδι τῆς Καθηγεσίας Αὐτοῦ (1926–1951). Θεσσαλονίκη, 1953. Σ. 389–398; Λαουρδας Β. Ἰσιδώρου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ὁμιλία εἰς τὰς εορτὰς τοῦ Ἁγίου Δημητρίου. Θεσσαλονίκη, 1954. 86 σ.; Χριστοφορίδης Β. Χ. Ἰσιδώρου Γλαβά, Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης. Ὁμιλίαι. Θεσσαλονίκη, 1996. 394 σ.

¹¹ Giovanni Cananos. L'assedo di Constantinopoli / introduzione, testo critico, traduzione, note e lessico a cura di E. Pinto. Messina, 1977. 126 p.

¹² Παρασπόνδυλος Ζωτικός. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη / Legrand É. La bataille de Varna par Paraspondylos Zotikos, témoin oculaire, poème grec publié pour la première fois // Annuaire de l'Association pour l'Encouragement des Études Grecques en France. 1874. Vol. 8. P. 333–372; болгарский перевод: Параспондилос Зотикосъ. Сражението при Варна 1444 г. / увод и бележки Г. Димитровъ // ИВАД. 1910. Т. III. С. 58–74.

¹³ Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / пер. с древнегреч. К. И. Лобовиковой. Самарканд, 2009. С. 19–90; George of Trebizond. On the Divinity of Manuel / Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond. Binghamton, N. Y., 1984. P. 564–574; George of Trebizond. On the Eternal Glory of the Autocrat / Monfasani J. Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond. Binghamton, N. Y., 1984. P. 492–564.

¹⁴ Argyriou A., Lagarrigue G. George Amiroutzès et son «Dialogue sur la Foi au Christ tenu avec le Sultan des Turcs» // BF. 1987. Bd. 11. P. 29–222; Janssens B., van Deun P. George Amiroutzes and His Poetical Oeuvre // Philomathestatos: Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday / ed. by B. Janssens, B. Roosen, and P. van Deun. Leuven, 2004. P. 299–324.

¹⁵ Lettres Inédites de Michel Apostolis / publiées par H. Noiret. Paris, 1889. 167 p.

более широко осветить вопрос межцивилизационного взаимодействия между византийцами и турками.

Основополагающими трудами при анализе византийских исторических сочинений являются работы, посвященные истории византийской литературы и раскрывающие основополагающие принципы византийской историографии, складывающиеся на протяжении всего времени существования империи. Это фундаментальные труды К. Крумбахера¹⁶, Г. Хунгера¹⁷ и Х.-Г. Бекка¹⁸.

Тема контактов византийцев и мусульман в целом стала центральной для ряда исследователей – проблемам культурного и религиозного диалога между византийским миром и возвышающейся исламской цивилизацией посвящены работы А. Аргириу¹⁹, Э. Захариаду²⁰, Н. Неджипоглу²¹, А. Т. Хури²², Н. Икономидиса²³, С. Вриониса²⁴, И. Мейендорфа²⁵. Исследователи рассматривали вопросы восприятия византийцами ислама, истоков антимусульманской полемики в Византии, а также уделяли внимание формам этно-религиозного диалога между греками и мусульманами. Эти исследования помогают выявить образы и стереотипы,

¹⁶ Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zu Ende des oströmischen Reiches (527—1453)*. München, 1891. 495 s.

¹⁷ Hunger H. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. 1–2. 542 s.; 531 s.

¹⁸ Beck H.-G. *Geschichte der byzantinischen Volksliteratur*. München, 1971. 237 s.

¹⁹ Argiriou A. *Attitude de Quelques Intellectuels de Thessalonique face à l'Islam* // BF. 2007. Bd. 29. P. 15–32.

²⁰ Zachariadou E. *Religious Dialogue between Byzantines and Turks during the Ottoman Expansion* // *Studies in pre-Ottoman Turkey and the Ottomans*. Aldershot, 2007. P. 289–304; *Idem. The Oğuz Tribes: The Silence of Byzantine Sources* // *Itinéraires d'Orient: Hommages à Claude Cahen* / ed. by R. Curiel and R. Gyselen. Bures-sur-Yvette, 1994. P. 285–289.

²¹ Necipoğlu N. *Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire*. Cambridge, 2009. 350 p.

²² Khoury A.-T. *Polémique Byzantine contre L'Islam...*

²³ Oikonomides N. *Byzantium between East and West (XIII–XV cent.)* // *Idem. Society, Culture and Politics in Byzantium*. Aldershot, 2005. P. 319–332.

²⁴ Vryonis S. *Byzantine Attitudes toward Islam during the Late Middle Ages* // GRBS. 1971. Vol. 12. № 2. P. 263–287; *Idem. Byzantine Legacy and Ottomans Forms* // DOP. 1969–1970. Vol. 23. P. 251–308; *Idem. Isidore Glabas and the Turkish Devshirme* // *Speculum*. 1956. Vol. 31. № 3. P. 433–443.

²⁵ Meyendorff J. *Byzantine Views of Islam...*

влиывшие на сознание византийцев и формирующие их отношение к воинственным соседям-иноверцам, постепенно занимающим политическое и культурное пространство византийской ойкумены.

В настоящее время в науке наблюдается отход от концепции С. Вриониса²⁶, согласно которой османы выступали в качестве внешней враждебной силы, разрушительной для эллинизма. Исследователи признают, что насильственные методы, как правило, были основной формой подчинения византийского населения, однако не единственной. Контакты византийцев с турками зачастую сводились не столько к военному противостоянию, сколько к сосуществованию в одном территориальном и культурном пространстве. Вопрос о формах и методах взаимодействия турок и греческого населения получил разработку в трудах М. Баливе²⁷, Х. Инальжика²⁸, Х. Лаури²⁹.

В России данная проблематика приобретает популярность лишь в последние десятилетия. Среди отечественных исследований, посвященных непосредственно вопросу восприятия западноевропейскими и византийскими авторами турок и турецкой угрозы, формированию отношения «свой-чужой», следует выделить работы Д. А. Коробейникова³⁰, Т. В. Куц³¹, С. И. Лучицкой³², и Р. М. Шукурова³³. Исследователи обратили внимание на

²⁶ Vryonis S. *Nomadization and Islamization in Asia Minor* // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71; Idem. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Los Angeles, 1971. 532 p.

²⁷ Balivet M. *Byzantins et Ottomans: relations, interactions, succession*. Istanbul, 1999. 278 p.; Idem. *Pour une Concorde Islamo-Chrétienne: Démarches Byzantines et Latines à la Fin du Moyen Âge (De Nicolas de Cues à Georges de Trébizonde)*. Rome, 1997. 82 p.

²⁸ Inalcik H. *Mehmed the Conqueror (1432–1481) and His Time* // *Speculum*. 1960. Vol. 35. № 3. P. 408–427; Idem. *Ottoman Methods of Conquest* // *Studia Islamica*. 1954. Vol. 2. P. 103–129.

²⁹ Lowry H. W. «From Lesser Wars to the Mightiest War»: *The Ottoman Conquest and Transformation of Byzantine Urban Centers in the Fifteenth Century* // *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society*. Birmingham, 1986. P. 323–338.

³⁰ Korobeinikov D. *Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century*. Oxford, 2014. 372 p.

³¹ Куц Т. В. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*. 2015. № 4 (145). С. 105–115.

³² Лучицкая С. И. Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // *Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре*. М.,

противопоставление греческой и латинской культуры культуре мусульманской, которая воспринималась как чужая и враждебная. Именно это, по мнению историков, с самого начала контактов с мусульманами окрасило отношение христианских средневековых авторов к ним в неприязненные и презрительные тона. Указанные авторы также неоднократно обращались к сюжету адаптации византийцев к новой религиозной и культурной ситуации, сложившейся в восточных регионах империи.

Тема турецкой экспансии и распространения османского могущества на балканских и византийских территориях в последние годы существования Византийской империи получила разработку в трудах М. Филиппидиса и У. Ханака³⁴, П. Шугара³⁵, Х. Инальжика³⁶, Ф. Бабингера³⁷, С. Рансимена³⁸, Б. Цветковой³⁹. Работы этих исследователей отличает тщательная проработка источников, касающихся турецких завоеваний. Историками дается оценка международного положения Византии накануне падения империи,

1994. С. 19–37; Она же. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. 412 с.; Она же. Христианско-мусульманская полемика по поводу изображений в эпоху крестовых походов // Одиссей. Человек в истории. М., 2006. С. 319–350.

³³ Шукуров Р. М. Василевс и эмир: парадигмы церемониальных отношений (1328–1347 гг.) // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIII международному конгрессу византистов. М., 2016. С. 160–171; Он же. Зона контакта. Проблемы междивизицизионных отношений в современной византистике // ВВ. 2000. Т. 59. С. 258–267; Он же. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое. Опыты преодоления. Очерки из истории и культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 194–234; Он же. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М., 2017. 631 с.; Shukurov R. Byzantine Turks, 1204–1461. Leiden, Boston, 2016. 513 p.

³⁴ Philippides M., Hanak W. K. The Siege and the Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography, and Military Studies. Burlington, 2011. 816 p.

³⁵ Sugar P. Southeastern Europe under Ottoman rule, 1354–1804. Seattle, 1977. 384 p.

³⁶ Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600 / transl. by N. Itzkowitz and C. Imber. N. Y., 1973. 258 p.

³⁷ Babinger F. Mehmed the Conqueror and His Time / transl. by R. Manheim. Princeton, 1978. 549 p.

³⁸ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. / пер. с англ., предисл. И. Н. Петросяна, К. Н. Юзбашяна. М., 2008. 416 с.

³⁹ Цветкова Б. Паметна битка на народите (Европейският югоизток и османското завоевание – края на XIV и първата половина на XV в.). Варна, 1979. 353 с.; Варна 1444. Сборник от изследвания и документи в чест на 525-та годишнина от битката край гр. Варна / под ред. Д. Ангелова, И. Дуйчева, М. Михова, Б. Цветковой. София, 1969. 543 с.

рассматриваются вопросы политических и социальных трансформаций в Византии в XIV – первой половине XV вв.

В этой связи следует также отметить работы Дж. Денниса⁴⁰, Т. Цараса⁴¹, В. Вакалопулоса⁴², которые уделили внимание вопросам функционирования городского социума Византии (главным образом, Фессалоники) в кризисный для империи период.

Ключевыми для исследования также являются работы, посвященные изучению биографии и литературного наследия авторов произведений, чьи сочинения стали источниковой базой данной диссертации. В отечественной и зарубежной византистике существует ряд работ, освещающих деятельность поздневизантийских интеллектуалов. Для понимания специфики интеллектуальной среды поздней Византии основополагающими являются исследования М. А. Поляковской⁴³, Т. В. Куш⁴⁴, М. В. Бибикова⁴⁵, И. П. Медведева⁴⁶, Ф. Тиннефельда⁴⁷, И. Шевченко⁴⁸. Ученые обстоятельно

⁴⁰ Dennis G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Fasc. 1. P. 72–88; Idem. The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike // DOP. 2003. Vol. 57. P. 255–264; Idem. The Second Turkish Capture of Thessalonica // BZ. 1964. Bd. 57, H. 1. S. 53–61.

⁴¹ Τσάρας Γ. Ἡ Θεσσαλονίκη ἀπὸ τοῦς Βυζαντινοῦς στοῦς Βενετσιάνους (1423–1430) // Μακεδονικά. 1977. Τ. 17. Σ. 85–123; Idem. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονοδία ἐπὶ τῆ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958. 104 σ.

⁴² Vacalopoulos A. E. A History of Thessaloniki / transl. by T. F. Carney. Thessaloniki, 1972. 152 p.; Idem. Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461. New Brunswick, New Jersey, 1970. 401 p.

⁴³ Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998; Она же. Быт и нравы поздневизантийского общества // Культура Византии XIII – пер. пол. XV в. М., 1991. С. 551–584; Она же. Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) // АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 46–57; Поляковская М. А., Чекалова А. А. Интеллектуалы и власть в Византии // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты. Екатеринбург, 2003. С. 109–132.

⁴⁴ Куш Т. В. Византийская интеллектуальная среда (конец XIV–XV в.): Опыт характеристики // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 122–139; Она же. К социальной характеристике византийской интеллектуальной среды конца XIV–XV веков // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 242–252; Она же. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. 454 с.

⁴⁵ Бибииков М. В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. 317 с.; Бибииков М. В., Красавина С. К. Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии // Культура Византии XIII – пер. пол. XV в. М., 1991. С. 280–297.

⁴⁶ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976. 255 с.; Он же. Геннадий Схоларий как идеолог «византийской инквизиции» // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 264–279;

рассмотрели вопросы интеллектуального взаимодействия в византийских образованных кругах, уделили внимание формам интеллектуального общения и влиянию гуманистических тенденций на интеллектуальную жизнь поздней Византии, а также исследовали круг вопросов, касающихся литературного наследия и идейно-политических воззрений поздневизантийских интеллектуалов.

Основными работами, в которых исследована биография и литературная деятельность отдельных византийских писателей, являются исследования отечественных историков З. В. Удальцовой⁴⁹ о деятельности и мировоззрении Критовула, Е. Б. Веселаго⁵⁰, проанализировавшей историческое сочинение Лаоника Халкокондила, а также С. К. Красавиной⁵¹, сравнившей произведения Дуки и Георгия Сфрандзи. Советские ученые внесли большой вклад в изучение произведений последних византийских историков, однако их оценка идейно-политических взглядов византийских писателей нуждается, на наш взгляд, в некоторых дополнениях и корректировках. Среди зарубежных исследований по данной тематике следует выделить работы К. Тернера⁵², У. Миллера⁵³, Э. Калделлиса⁵⁴, Дж. Монфасани⁵⁵, Н. Б. Томадакиса⁵⁶, Д. Балфура⁵⁷.

Он же. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // *Византия между Западом и Востоком*. СПб., 1999. С. 293–332.

⁴⁷ Tinnefeld F. Intellectuals in Late Byzantine Thessalonike // *DOP*. 2003. Vol. 57. P. 153–172.

⁴⁸ Ševčenko I. *Society and Intellectual Life in Late Byzantium*. L., 1981. 374 p.

⁴⁹ Удальцова З. В. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула // *ВВ*. 1957. Т. 12. С. 172–197; Она же. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания // *ВВ*. 1953. Т. 7. С. 93–121.

⁵⁰ Веселаго Е. Б. Еще раз о Лаонике Халкокондиде и его историческом труде // *ВВ*. 1958. Т. 14. С. 190–199; Она же. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила (Опыт литературной характеристики) // *ВВ*. 1957. Т. 12. С. 203–217; Она же. Лаоник Халкокондил. История (из книги VIII) // *ВВ*. 1953. Т. 7. С. 431–444.

⁵¹ Красавина С. К. Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церковью // *ВВ*. 1967. Т. 27. С. 142–152; Она же. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки // *ВВ*. 1973. Т. 34. С. 97–111.

⁵² Turner C. J. G. Pages from late Byzantine Philosophy of history // *BZ*. 1964. Vol. 57. P. 346–373.

⁵³ Miller W. The Historians Doukas and Phrantzes // *The Journal of Hellenic Studies*. 1926. Vol. 46. Part 1. P. 63–71; Miller W. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkokondyles // *The Journal of Hellenic Studies*. 1922. Vol. 42. Part 1. P. 36–49.

В целом, историография по теме диссертации достаточно обширна. Однако в отечественной науке довольно мало внимания уделялось проблеме восприятия турок и турецкой угрозы византийскими писателями XV в. В зарубежной же историографии исследования, посвященные этой проблеме, опирались преимущественно на источники, написанные до падения Византии, в то время как сочинения, созданные в последующие десятилетия, не привлекались для анализа восприятия мусульман и итогов турецких завоеваний.

Кроме того, в историографии практически не встречаются работы, посвященные комплексному анализу представлений византийцев о турецких обычаях и традициях, а также отсутствуют работы, освещающие проблему конформистских и туркофильских настроений в византийском обществе. Настоящая диссертация призвана восполнить эти пробелы.

Методология и методы диссертационного исследования. Поскольку для решения поставленных задач предполагается работа с объемным корпусом исторических текстов византийских авторов XV в., приоритетным является компаративный метод, позволяющий выявить общее и особенное во взглядах писателей на турок и турецкую угрозу, упорядочить фактологический материал и получить полную картину восприятия византийцами мусульманских народов.

⁵⁴ Kaldellis A. *A New Herodotus: Laonikos Chalkokondyles on the Ottoman Empire, the Fall of Byzantium, and the Emergence of the West*. Washington, 2014. 310 p.; Idem. *The Date of Laonikos Chalkokondyles' Histories* // GRBS. 2012. Vol. 52. № 1. P. 111–136; Idem. *The Greek Sources of Laonikos Chalkokondyles' Histories* // GRBS. 2012. Vol. 52. № 4. P. 738–765; Idem. *The Interpolations in the Histories of Laonikos Chalkokondyles* // GRBS. 2012. Vol. 52. № 2. P. 259–283.

⁵⁵ Monfasani J. *George Amiroutzes. The Philosopher and his Tractates*. Leuven, 2011. 220 p.; Idem. *George of Trebizond. A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic*. Leiden, 1976. 414 p.; Idem. *Greek Renaissance Migrations* // *Italian History and Culture*. 2002. Vol. 8. P. 1–14; Idem. *Text, Documents and Bibliographies of George of Trebizond*. Binghamton, N. Y., 1984. 863 p.

⁵⁶ Tomadakis N. B. Ἐτοῦρκευσεν ὁ Γεωργίος Ἀμιρούτζη // ΕΕΒΣ. 1948. Τ. 18. Ρ. 99–143.

⁵⁷ Balfour D. *Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429)*. Wien, 1979. 319 s.

Исследование системы образов и стереотипов о мусульманах в византийской литературной традиции необходимо рассматривать сквозь призму имагологического подхода, позволяющего в сочетании с ретроспективным анализом определить этапы формирования традиции антимусульманской полемики в Византии, выявить основные тенденции конструирования образа «Другого» в византийских источниках, а также проследить эволюцию взглядов византийцев на восточных соседей.

Историко-антропологический подход помогает выявить особенности поздневизантийского социума, определить психологические установки, стереотипы восприятия и модели поведения, в рамках которых данное общество функционировало в кризисное для Византии время.

Для анализа источникового материала при непосредственной работе с нарративными текстами (историческими сочинениями, эпистолярным материалом, полемической литературой и др.) применяется герменевтический анализ, позволяющий наиболее точно охарактеризовать текст с точки зрения того смысла, который автор стремился в него вложить. Работа с нарративными источниками предполагает использование литературоведческого и лингвистического анализа, с помощью которого можно определить специфику лексики, используемой византийцами при описании иноверцев. В работе также использован метод контент-анализа для выявления количественного соотношения обозначений турок в сочинениях византийских историков и анализа контекста их употреблений. Междисциплинарный подход поможет учесть культурологический и социологический аспекты рассматриваемых проблем.

Научная новизна. В диссертационном исследовании дан комплексный анализ источников XV в., прослежена эволюция взглядов поздневизантийских писателей на турок-османов, исследованы представления византийских авторов о турецкой угрозе в XV в., рассмотрены оценки византийских писателей таких кризисных периодов в истории

Византии, как осады Константинополя (1422) и Фессалоники (1422–1430), турецкая экспансия на византийские территории в XV в.

В диссертации впервые рассмотрена проблема конформистских настроений в Византии в XV в. по материалам сочинений Мануила II Палеолога и Симеона Фессалоникийского. Также в работе оспаривается устоявшаяся в историографии точка зрения о существовании в византийской интеллектуальной среде так называемого туркофильского идеологического течения. Кроме того, в диссертации анализируется сочинение грека Параспондила Зотикоса, которое как в зарубежной, так и в российской историографии ранее не привлекалось для исследования восприятия византийцами турецкой угрозы.

Положения, выносимые на защиту:

1. В византийской литературной традиции к середине XV в. сформировался многогранный образ турок, на который наслаивались складывающиеся веками стереотипы о восточных соседях-иноверцах: в понимании византийцев турки были варварами, диким и необузданным народом, воспринимались как язычники и осквернители христианской веры. Однако по мере интенсификации непосредственных контактов с османами эти акценты смещались: оценки византийцев коррелировались с новыми историческими реалиями, и турки стали восприниматься уже не как некая абстрактная злая сила, но как реальные противники, наделенные вполне человеческими (как правило, отрицательными) качествами.

2. Реальный опыт контактов византийцев с турецкими завоевателями показывал, что османское владычество не было таким уж катастрофичным для греков, как это прежде представлялось. Турки предоставляли различные льготы христианскому населению, сохраняли право собственности на имущество, позволяли свободно исповедовать свою веру. В результате тесного взаимодействия турок и завоеванного греческого населения в византийском обществе стали формироваться конформистские настроения, которые раскалывали византийский социум и приводили к

пассивности части горожан Фессалоники и Константинополя перед лицом угрозы османского завоевания.

3. Византийские писатели обладали довольно глубокими познаниями о турецких обычаях и традициях, пространно рассуждая об образе жизни османов, их происхождении, привычках, языке, религиозной практике, семейных обычаях, налоговой системе (в частности, системе девширме). Это свидетельствует, с одной стороны, о возможном использовании византийцами турецких источников, с другой стороны, показывает непосредственное знакомство авторов с турецким образом жизни.

4. В византийских исторических произведениях существовала значительная разница в описаниях османских султанов и турок в целом. Как правило, портреты турецких правителей персонифицированы и индивидуализированы, в то время как прочие представители турецкого народа описываются как часть основной массы и не обладают яркими индивидуальными характеристиками. Образы султанов, конструируемые поствизантийскими историками, еще более многогранны и объемны, нежели портреты турецких правителей в сочинениях современников описываемых событий, поскольку историки записывали события *post factum*, основываясь на многочисленных свидетельствах, в то время как авторы, являющиеся свидетелями конкретных исторических событий, передавали непосредственные впечатления своих сограждан.

5. Эволюция восприятия византийскими авторами XV в. турок и турецкой угрозы выражается в том, что сочинения современников описываемых событий содержат призывы противостоять завоевателям и сохранять верность византийской администрации, в то время как последние византийские историки, чьи произведения были написаны уже после падения Византии в 1453 г., пытаются осмыслить факт завоевания, принять правление турок как данность и приспособиться к изменившимся историческим реалиям.

6. Византийское туркофильство, традиционно понимаемое как идейно-политическое течение, бытовавшие в Византии в последние десятилетия существования империи, таковым не являлось. Для византийских интеллектуалов поствизантийского времени выказывание симпатии турецкому султану и толерантность по отношению к исламу были скорее способом их интеграции в новые структуры власти, возможностью сохранить прежний социальный статус и род занятий. Кроме того, модель их взаимодействия с турецким правительством воспроизводила византийскую традицию выстраивания отношений интеллектуалов с императорской властью.

Теоретическая и практическая значимость. Вопросы, решаемые в рамках диссертационного исследования, помогут углубить представления о специфике социального и политического кризиса в Византии в последние десятилетия существования империи. Также результаты исследований могут быть использованы при разработке проблем, связанных с изучением христиано-мусульманских отношений в Средние века, военно-политических конфликтов христиан с турками в XIV–XV вв. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по истории Средних веков и истории Византии для студентов высших и средних учебных заведений, обучающихся по направлениям гуманитарного и общественно-научного профиля.

Степень достоверности результатов исследования. Диссертация отличается использованием разнотипных и неоднородных по содержанию византийских источников XV в., которые являются репрезентативными для раскрытия данной темы. Примененные в работе компаративный, имагологический, историко-антропологический и герменевтический методы исторического исследования позволяют всесторонне интерпретировать и верифицировать полученные данные.

Апробация материалов исследования. Результаты исследования были представлены в виде докладов на всероссийских и международных конференциях: II-е Чтения памяти проф. Б. А. Сутырина (Екатеринбург, 2014), VII Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и соискателей «Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию» (Екатеринбург, 2014), III Международная конференция по эллинистике памяти И. И. Ковалевой (Москва, 2015), Школа-конференция молодых византинистов «NEANIAI» (Москва, 2015), Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург, 2015, 2016), Всероссийская научная конференция молодых антиковедов и медиевистов «Scholia studiorum: пространство исторического нарратива» (Екатеринбург, 2016, 2018), XXI Всероссийская научная сессия византинистов «Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия» (Белгород, 2016), XXIII Международный конгресс византийских исследований (Белград, Сербия, 2016), I Межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы языка и культуры» (Екатеринбург, 2017), XIV научные Сюзюмовские чтения «Византийский мир: реалии и интерпретации» (Екатеринбург, 2018).

Исследования получили грантовую поддержку ряда фондов:

1. Грант Благотворительного фонда Михаила Прохорова (программа «Академическая мобильность») в 2015 г. для работы в библиотеке Центра византийских исследований при университете им. Аристотеля в Салониках (июль 2015 г., г. Салоники, Греция).

2. Грант Благотворительного фонда Михаила Прохорова (программа «Академическая мобильность») в 2016 г. для работы в библиотеке Института византистики и неогрецистики Венского университета (июль 2016 г., г. Вена, Австрия).

3. Грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в 2016 г., проект 16-01-15017 б(ф), для участия в 23-м Международном конгрессе византийских исследований (22–27 августа 2016 г., г. Белград, Сербия).

4. Грант Международной ассоциации византийских исследований и Сербского национального комитета для молодых ученых на участие в 23-м Международном конгрессе византийских исследований (22–27 августа 2016 г., г. Белград, Сербия).

5. Грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), научно-исследовательский проект №18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта» (исполнитель проекта).

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обозначены актуальность, научная новизна, объект и предмет исследования, определены цель, задачи, методология и методы исследования, дан историографический обзор и характеристика источниковой базы, представлены теоретическая и практическая значимость, степень достоверности и апробация результатов исследования.

В первой главе **«Источники XV в. по истории византийско-османских отношений»** дана характеристика византийских исторических сочинений XV в., послуживших основой для настоящего исследования: сообщения современников и очевидцев конкретных исторических событий (Симеон Фессалоникийский, Иоанн Канан, Иоанн Анагност, Параспондил Зотикос), произведения последних византийских историков (Лаоник Халкокондил, Дука, Георгий Сфрандзи, Михаил Критовул), создавших свои произведения уже после падения Византии, а также сочинения авторов протурецкой направленности (Георгий Амирутци, Георгий Трапезундский).

Цель сообщений, повествующих о современных их авторам событиях, – описать определенные военно-политические конфликты с османами и показать бедствия византийцев в условиях непрекращающейся турецкой

экспансии, а также призвать своих сограждан сопротивляться захватчикам. Произведения последних византийских историков были призваны отразить события, повлекшие за собой падение Византии и рост османского могущества, а также, используя традиционный для византийской историографии инструментарий, объяснить причины возвышения Османского государства. Несмотря на то, что эти произведения написаны не по горячим следам, а *post factum*, они, несомненно, обладают высочайшей ценностью, поскольку позволяют комплексно и всесторонне исследовать византийско-османские отношения в XV в., увидеть специфику этих взаимоотношений и проследить эволюцию представлений византийцев об османах в частности и о мусульманах в целом. В то же время произведения «протурецкой» направленности, которые также создавались после падения Византии, помогают выявить, каким образом византийские интеллектуалы пытались приспособиться к изменившимся историческим реалиям, используя свои литературные таланты, а также реконструировать образ завоевателя Константинополя Мехмеда II.

Во второй главе **«Военно-политические конфликты и контакты с османами первой половины XV в. в отражении византийских писателей»** рассмотрены взаимоотношения византийских императоров Мануила II и Иоанна VIII с правителями Османского государства в первой половине XV в., а также основные этапы османской экспансии на византийские территории в последние десятилетия существования империи по материалам византийских исторических сочинений XV в. В первом параграфе **«Взаимоотношения Византии и османов в первой четверти XV в.»** показаны изменения в политическом курсе Византии, произошедшие после битвы при Анкаре 1402 г., в результате которой султан Баязид I потерпел поражение от эмира Тимура, а в Османском государстве началась внутридинастическая смута. Интенсификация политических контактов между Византией и османами в начале XV в. была вызвана гражданской войной между наследниками Баязида I и стремлением того или иного

кандидата на султанский престол обрести в лице византийского императора ценного политического союзника. Очевидно, авторитет византийского василевса был достаточно высок, что позволяло Мануилу II ловко лавировать в политических перипетиях сложившейся ситуации. Поддерживая во внутридинастической борьбе потенциальных претендентов на османский престол, Мануил II надеялся в будущем обеспечить себе союзника в лице османского правителя, однако зачастую вмешательство в турецкие дела лишь обостряло отношения между византийцами и османами.

Во втором параграфе **«Осада Константинополя 1422 г. в восприятии византийцев»** проанализировано произведение Иоанна Канана об осаде византийской столицы войсками Мурада II в 1422 г. Сведения Канана и некоторых других византийских авторов позволяют восстановить событийную канву осады, особенности ведения турками осадной войны, а также выявить настроения и противоречия внутри городского социума столицы в условиях непрекращающейся османской военной агрессии. Автор был прекрасно осведомлен о тонкостях мусульманской религиозной практики, боеспособности османского войска, а также приводил подробности из жизни духовного лидера турок Мирсаиты, что косвенно свидетельствует о том, что состояние осады не исключало контактов между османами и греками, поэтому жители осажденного города могли получать сведения о жизни турок от них самих.

В третьем параграфе **«Фессалоника в 1422–1430 гг.: настроения горожан в условиях турецкой осады»** исследованы социальные противоречия в Фессалонике в период ее последней осады турками в 1422–1430 гг. Для византийских интеллектуалов чрезвычайно актуальной была проблема конформизма греческого населения – согласно свидетельствам Мануила II Палеолога, Исидора Главы и Симеона Фессалоникийского, многие византийцы, зачастую уже хорошо знакомые с характером правления турок, предпочитали переходить на сторону завоевателей, поскольку участь византийских граждан в осажденных городах и разоренных окрестностях

была удручающей. Таким образом, греки, желавшие сохранить свое материальное положение и недовольные бездействием византийской администрации, были готовы добровольно сдаться под власть османов, обещавших спокойную жизнь, налоговые льготы и возможность исповедовать христианство. После передачи Фессалоники венецианцам в 1423 г. в городе распространились антилатинские настроения, что привело к деконсолидации сил защитников Фессалоники и окончательному завоеванию города в 1430 г.

Четвертый параграф **«Турецкая угроза во второй четверти XV в.»** посвящен заключительному этапу в истории Византии, который характеризуется ухудшением взаимоотношений византийских императоров и турецких султанов и усилением османской экспансии на Балканах. Согласно византийским историкам, заключение Ферраро-Флорентийской унии в 1439 г. спровоцировало последующую агрессию султана Мурада II против византийцев и европейских государей. Битва при Варне в 1444 г., подробное свидетельство о которой оставил грек Параспондил Зотикос, стала фактически последним общехристианским рывком сопротивления туркам.

В третьей главе **«Восприятие турок в поздневизантийской интеллектуальной мысли»** дана комплексная характеристика турок в трудах византийских писателей XV в. В первом параграфе **«Обозначения турок в сочинениях поздневизантийских историков»** проведен анализ лексики сочинений византийских историков и выявлен контекст обозначений османов в них. Из проведенного анализа следует, что наименования «османы» и «мусульмане» использовались авторами ситуативно, исходя из строго определенного контекста, и не несли в себе ни положительных, ни отрицательных коннотаций. Словом «варвары» историки обозначали представителей иного, отличного от христианского, вероисповедания, причем применяли его исключительно к мусульманским народам тюркского происхождения. Оценочная характеристика «неверные» применялась Дукой и Сфрандзи только в отношении турок-османов, чтобы подчеркнуть их

религиозную инаковость и враждебность к христианской вере, в то время как Халкокондил вообще избегал употребления этого семантически перегруженного слова. Самым же часто употребляемым обозначением был нейтральный этноним «турки», который был более привычен для византийцев и, по всей вероятности, повсеместно использовался в повседневной речевой практике.

Во втором параграфе **«Религиозная и этническая характеристика турок в трудах византийских писателей XV в.»** рассмотрены религиозный и этнический аспекты восприятия османов византийскими авторами. В большинстве рассмотренных сочинений содержатся преимущественно негативные оценки мусульманского вероучения – клишированные и стереотипные. Однако отношение византийских историков к азиатским народам, которые исповедовали ислам, показывает, что для образованных византийцев XV в. мусульмане уже не были абстрактной враждебной силой. После падения Византии в сознании византийских историков происходила ломка традиционных стереотипов, выражавшаяся в отсутствии однозначно негативных характеристик мусульманского вероучения. На смену прежним предвзятым оценкам приходило осознание, что османы отныне являются полноправными участниками исторического процесса, к которым прежние оценочные категории уже были неприменимы.

В третьем параграфе **«Морально-этическая характеристика турок»** показаны оценки византийских писателей морального облика и обычаев османов. Для византийских авторов турки оставались враждебным варварским народом, практически лишенным каких-либо положительных черт. Однако в ходе непосредственных контактов с захватчиками византийцы волей-неволей открывали для себя другие стороны жизни османов, выходящие за рамки традиционной антимусульманской полемики и антитурецкого дискурса, что определенным образом «очеловечивало» моральный облик завоевателей.

Четвертый параграф **«Византийские писатели о турецкой системе девширме»** посвящен исследованию представлений византийских авторов о специфической налоговой практике османов девширме, по условиям которой мальчики из христианских семей отправлялись на обучение в Галлиполи и проходили последующий отбор для службы при дворе султана или в янычарском войске. Сообщения греческих авторов содержат точные и скрупулезные сведения о янычарском корпусе и системе девширме, что свидетельствует о близком знакомстве писателей с турецкой военной практикой. В тексте Исидора Главы янычары представляют собой угрозу религиозной и культурной идентичности византийцев. В поздних же византийских произведениях эти акценты смещаются, сводятся к анализу устройства янычарского корпуса и оценке роли янычар в военных успехах османских правителей, что говорит о трансформации взглядов византийцев в восприятии турок и их обычаев.

В пятом параграфе **«Образы турецких султанов в произведениях византийских писателей»** анализируется деятельность и моральный облик османских султанов в сочинениях византийских писателей XV в. Поздневизантийские авторы конструируют образы турецких правителей, с одной стороны, сквозь призму традиционных представлений византийцев об иноверцах, описывая османских правителей как гонителей христианской веры и поработителей ромеев, с другой – основываясь на реальных или легендарных фактах их биографии. Оценки поствизантийских историков индивидуализированы и зачастую представляют собой набор специфических характеристик и личностных качеств османских султанов, основанных на сведениях из самых разных источников.

В шестом параграфе **«К вопросу о существовании византийского туркофильства»** поднимается проблема существования в Византии такого идейно-политического течения, как туркофильство. Византийскими туркофилами XV в. традиционно считаются историк Михаил Критовул, философ Георгий Трапезундский и находящийся на службе у Мехмеда II

Георгий Амирутци. Несмотря на то, что все названные авторы выстраивали риторику своих сочинений на принципах восхваления достоинств завоевателя Византии, нельзя сказать однозначно, что писатели таким образом преследовали некие своекорыстные личные мотивы. Для них это был, скорее, способ выстроить привычную модель взаимодействия с властью с помощью своих литературных талантов и продолжить интеллектуальную деятельность при османском дворе. Можно утверждать, что византийское туркофильство было не столько идейно-политическим течением в среде корыстолюбивых византийцев, сколько некой философской или – в случае с Критовулом – исторической концепцией, позволяющей объяснить и принять турецкое завоевание Византии как данность, а также найти способ сосуществовать с завоевателями.

В **Заключении** обобщены результаты и сформулированы общие выводы работы.

Как показало исследование, контакты византийцев с турками зачастую сводились не только к военному противостоянию, но и к взаимодействию в одном территориальном и культурном пространстве. На восприятие византийцами турок влияли не только устоявшиеся стереотипы, но и реальный опыт контактов с турецким миром, который не был однозначно плохим. В первой половине XV в. жизнь под турецким игом уже не казалась греческому населению ужасающе безнадежной перспективой. Во многом это связано с тем, что турки проявляли известную веротерпимость и снисходительность по отношению к завоеванным народам, что привело к возникновению конформистских настроений в византийском обществе.

В политической идеологии Византии военные или дипломатические союзы с турками воспринимались в целом как вынужденная необходимость, обязательный элемент мирного сосуществования с врагами. Рядовые же византийцы, давно привыкшие к такому соседству, не видели особых морально-этических преград для того, чтобы приспособливаться к турецким обычаям и адаптироваться к новому общественному и религиозному укладу.

Образ турка как Чужого в византийской исторической литературе XV в. транслировался через характеристику их религиозной инаковости, военно-политических конфликтов и контактов с османами, обычаев, поведения в определенных ситуациях, военного искусства, налоговой системы и деятельности их политических лидеров.

Несмотря на то, что большинство рассмотренных авторов в большей степени подчеркивали религиозную инаковость османов, нежели культурную, следует констатировать, что для византийских писателей турки в целом оставались враждебным варварским народом, практически лишенным каких-либо положительных черт. Однако оценки историков неоднозначны – важной задачей для писателей, живших на покоренных территориях, было донести свои сочинения до образованной общественности и потомков, поэтому в их произведениях нередко встречаются положительные или нейтральные оценки представителей турецкого народа.

Изменения в восприятии византийских писателей XV в. турок и турецкой угрозы объясняются тем, что византийские авторы, создавшие свои произведения уже после падения империи, располагали куда большим количеством свидетельств, чем их предшественники, и описывали не столько абстрактный враждебный народ, сколько своих ближайших соседей, с которыми десятилетиями жили бок о бок. Поствизантийские историки предпринимали попытки принять турецкое завоевание Византии как закономерное стечение обстоятельств и волю Господа, в связи с чем их оценки турок и турецкой агрессии более сдержанные.

Эволюция во взглядах византийских писателей на османов проявляется также в том, что образы турецких султанов, конструируемые в сочинениях последних византийских историков, оказывались более индивидуализированными и многогранными, тогда как в произведениях их предшественников османские правители зачастую были представлены лишь как поработители христианской веры, жестокие и вероломные захватчики.

Образ Мехмеда II, завоевателя Византии, в большинстве рассмотренных произведений негативен и содержит лишь пейоративные характеристики. В сочинениях же византийских «туркофилов», сумевших приспособить риторику своих сочинений для восхваления султана, османы в целом выступают лишь как фон, безликая масса, в то время как личностные качества и таланты Мехмеда II выводятся на первый план. Отметим все же, что, несмотря на все попытки этих писателей достучаться до сердца грозного султана и приспособиться к изменившимся историческим реалиям, они были верны себе и оставались византийцами до самого конца.

Это вновь возвращает нас к актуальности проблемы межкультурного и межцивилизационного диалога между представителями европейского и азиатского культурных пространств, складывающегося в сложных политических и экономических реалиях современного мира. Пример отношений ослабленной внутренними политическими и идеологическими распрями Византии и молодого, набирающего силу Османского государства показывает, что, несмотря на все попытки византийских интеллектуалов отторгнуть или, напротив, принять религиозную и культурную инаковость пришельцев с Востока, ромейская цивилизация растворилась под натиском монолитной пассионарной этнокультурной общности, оставив после себя лишь память о былом могуществе.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Жигалова Н. Э. Конформизм греков в условиях турецкой экспансии: взгляд поздневизантийских писателей / Н. Э. Жигалова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (145). – С. 116–124 (0,5 п. л.).

2. Жигалова Н. Э. Византийское туркофильство: течение или увлечение? / Н. Э. Жигалова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 4. – С. 45–52 (0,5 п. л.).

3. Жигалова Н. Э. Записки о янычарах: византийские писатели о турецкой системе девширме / Н. Э. Жигалова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2017. – № 15 (264). – Вып. 43. – С. 70–77 (0,5 п. л.).

Другие публикации:

4. Жигалова Н. Э. К вопросу о туркофильских взглядах византийского историка Критовула / Н. Э. Жигалова // Стратегии стабилизации и опыты обновления в мировой истории. Материалы докладов межрегиональной студенческой научной конференции. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. – С. 64–66 (0,1 п. л.).

5. Жигалова Н. Э. Битва при Варне 1444 года и ее исторические последствия (по материалам польских и сербских источников) / Н. Э. Жигалова // Славянский сборник. – 2014. – Вып. 12. – С. 107–113 (0,5 п. л.).

6. Жигалова Н. Э. Взаимоотношения первых Османов и азиатских правителей в интерпретации византийского историка / Н. Э. Жигалова // Вопросы всеобщей истории. Запад, Восток и Россия: историческая политика и политика памяти. – 2014. – Вып. 16. – С. 14–19 (0,3 п. л.).

7. Жигалова Н. Э. Мусульмане в восприятии византийских историков Георгия Сфрандзи и Михаила Дуки / Н. Э. Жигалова // Античная древность и средние века. – 2015. – Вып. 42. – С. 255–263 (0,5 п. л.).

8. Жигалова Н. Э. Турки-османы в произведениях последних византийских историков / Н. Э. Жигалова // Тезисы и материалы III международной конференции по эллинистике памяти И. И. Ковалевой. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – С. 60–64 (0,3 п. л.).

9. Жигалова Н. Э. Опыт осмысления турецкой проблемы византийскими авторами второй половины XV в. / Н. Э. Жигалова // Тезисы выступлений участников Всероссийской научной школы молодых

византинистов «NEANIAI». – М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/10/01/1074498111/Жигалова%20Н.Э.> (дата обращения: 11.08.2018) (0,2 п. л.).

10. Жигалова Н. Э. Скандербег и его роль в антитурецком сопротивлении (по материалам византийских исторических сочинений XV в.) / Н. Э. Жигалова // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XIX вв.* №9. Серия: Балканика. – 2016. – Вып. 3. – С. 44–52 (0,4 п. л.).

11. Жигалова Н. Э. Завоевание Фессалоники в 1430 г.: проблема взаимоотношений турок и греческого населения / Н. Э. Жигалова // *Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов.* – М.; Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. – С. 81–83 (0,1 п. л.).

12. Жигалова Н. Э. Хроника турецкого плена Григория Паламы / Н. Э. Жигалова // *Scholia studiorum: пространство исторического нарратива. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции молодых антиковедов и медиевистов.* – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – С. 47–48 (0,1 п. л.).

13. Zhigalova N. Some aspects of the pro-Ottoman position of George Amiroutzes / N. Zhigalova // *Abstracts of free communications of the 23^d International Congress of Byzantine Studies (22–27 August 2016, Belgrade).* – Belgrade, 2016. – P. 701–702. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.byzinst-sasa.rs/eng/uploaded/Thematic%20Sessions%20of%20Free%20%20Communications.pdf> (дата обращения: 11.08.2018) (0,1 п. л.).

14. Жигалова Н. Э. Образ турецких завоевателей в сочинениях поздневизантийских писателей (Симеон Фессалоникийский и Иоанн Анагност) / Н. Э. Жигалова // *Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVI Всероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 декабря 2016 г.)* / под ред. Г. Е. Лебедевой. – СПб.: ООО «ИД “ПРАВО”», 2016. – Ч. I. – С. 149–158 (0,5 п. л.).

15. Жигалова Н. Э. Фессалоника под властью венецианцев (1423–1430): антилатинские настроения горожан в условиях турецкой осады / Н. Э. Жигалова // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXV всероссийской научной конференции «Курбатовские чтения» (1–4 декабря 2015 года). – СПб.: Свое издательство, 2017. – С. 43–51 (0,5 п. л.).

16. Жигалова Н. Э. «Ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его»: роль архиепископа Симеона в последней осаде Фессалоники / Н. Э. Жигалова // *Scholia studiorum* II: пространство исторического нарратива. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции молодых антиковедов и медиевистов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – С. 46–48 (0,1 п. л.).